

будет защищаться до последней крайности. Синдел думает, что наступила минута, когда нужно принять крайнее решение и сформировать либеральное правительство, стоящее на высоте положения. Всегда-Армико считает наступившим время для выдвижения державы, так как Филиппинский вопрос интересует Европу.

Нью-йоркский корреспондент газеты "Times" в своем очерке телеграфирует: Распространен слух, будто Испания выразила державам, что постепенно явился посредниками между нею и Соединенными Штатами. Дальше говорить будто державы отклонили эту просьбу Испании под тем предлогом, что их посредничество будет принадлежать Американской неблагословленной. Но этому по-видимому, считающимся органом президента газета "Times" заявляет, что еще до войны державы показали бы посредниками для убеждения спора между Штатами и Испанией. Предложение их было дружественно, но категорически отклонено. Точно также американское правительство отнесется ко всяческому посредничеству и теперь. Правительство Штатов может вести переговоры с какими-либо государствами отдельно, но оно не желает знать никаких лиц, коалиций или концепций. Оно никогда не основывало либо против какой-либо европейской державы. Оно и не вбрьт в возможность об-разования европейского концерта, в честь Испания считает прежние успехи этих концертов николько не обеспечивающими успехов в данном случае. Гораздо лучше, чтобы одна держава явилась посредницей. А Испания, повидимому, отдельно державы об этом просить не на-мрена.

По последним известиям из Лондона, испанский министр иностранных делъ соединился с германским послаником в Мадриде и принял Германию под свою защиту испанского населения Манилы, в слу-чае взятия этого города инсургентами. Кульминациям отдалась сражения между испанским конгрессом по поводу испанско-американского конфликта слѣдует относиться с осторожностью.

В Испании говорятъ объ отставкѣ Сагасты. Президентъ его называетъ генерала Кампоса.

Извѣстный американский газетный агент Джеком Норманомъ телеграфируетъ въ газете "Сингапур", что ему по-ложительно известно, что если Испания послѣ удачного окончания союзомъ вест-индийскихъ операций не пойдетъ наступать, тогда адмиралъ Симонъ сдѣлаетъ прямое нападение на Испанию.

Попытки ограничения царской власти въ России.

XIX.
"Затѣй" верховниковъ 1730 года. Биографическая справка о верховникахъ, сочинившихъ для Ани-и-Лионовъ "пунти", проливая сѣрѣть на тѣ побуждѣнія, которыми они руководствовались. Начинаемъ съ кнѧзя Д. М. Голицына, возбудившаго во-просъ объ упраздненіи самодержавія.

Характеризуя кнѧзя Д. М. Голицына, Г. Корсаковъ говоритъ: Это куцина личность. Онъ представляется собою счастливое сочетаніе ста-рина московскаго боярства съ еви-ронизмомъ, явившись вслѣдствіемъ отъ роду изумительного леком-млю и изумительной заносчивости. Однимъ лицомъ, своимъ, онъ видимо смотритъ въ блѣду Русь, другимъ — самодѣльно привѣтствуетъ ея грядущее... Кнѧзь Д. М. Голицынъ былъ аристократъ изъ са-момъ душевъ смысла этого слова". (стр. 34). Вся жизнь и дѣятельность кнѧзя Д. М. Голицына доказываютъ со-всѣмъ иное: они доказываютъ, что у него не было никакихъ заслугъ для серьезной политической дѣятельности, что онъ не выдавалъ изъ ру-вой ни по уму, ни по характеру и что за nimъ не числились никакихъ государственныхъ заслугъ. Они достоинъ высокаго служебного по-ложенія, единственно благодаря своей "порой" и своимъ связямъ, и самъ Г. Корсаковъ, ставший, какъ мы видѣли, кнѧзя Голицына на пьедесталъ, дѣлаетъ при этомъ таинъ оговорки, которая даютъ о "дуалистѣ" Ипюсѣ неслѣдственное понятіе.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

* * * Пора государственныхъ изъ-
вестій кончила, и сотни молодыхъ лю-
дей, снабженныхъ университетскими
дипломами, вышли въ жизнь заво-
вывая свою долю счастья. Незавидно-
мому положенію этой дилломированной
молодежи и посыпаніи статья "Пе-
тербургской Газеты". Больше всего вы-
пускаются нами университетскими юри-
стами, но иначе общо съ какими бы то
ни были политическими идеалами.

Кнѧзь Михаилъ Владимировичъ

Городской голова Петербурга, въ

1730 году

записываетъ:

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

Когда я възьмусь

за кнѧзя Голицына, даетъ "Затѣй"

1730 года, но онъ не сдвигается,

и потому что у него есть

дѣлъ, на которые онъ

надѣялся.

